

Головащенко С. И.

**Славянская Библия
в Киевской духовной
академии: присутствие текстов
и проблема исследования
(XIX — начало XX в.)**

Рассматривая эту тему в контекстуальной связи с нашими предыдущими исследованиями¹, отметим практическое отсутствие в кругу библейской и библеистической книжности конца XVIII в. славянских изданий Библии, появившихся в XVI–XVII вв. в результате известных сдвигов в духовной жизни той части Европы, к которой принадлежали тогда украинские земли. Например, это касается таких знаковых изданий, как «Библия Руска» Ф. Скорины или Острожская Библия И. Фёдорова.

В наличии же имелись лишь церковнославянские издания Библии и отдельных ее частей (Новый Завет, Псалтирь) московской и петербургской печати 1663, 1745, 1751, 1756, 1757, 1758, 1766, 1759, 1778 гг. Количество их едва ли уравнивали киево-печерские лаврские издания: 2-томные Библии 1758 и 1779 гг.; Псалтирь и Новый Завет 1780 г.²

Происходил драматический разрыв со старой «руской» традицией библейской книжности. Вследствие которого, например, уже в 1817 г., по свидетельству секретаря Киевского отделения Российского Библейского общества протоиерея С. Семяновского, вопрос о Библии «на галицком языке» (то есть на народном, отличном от официального церковного) стал камнем преткновения для ученых членов отделения³.

---

¹ См.: Головащенко С.И. Библия и библиологическая литература в Киево-Могилянской академии конца XVIII — начала XIX ст.: тексты, жанры, традиции (из опытов реконструкции духовно-интеллектуального наследия КДА) // ТКДА. № 15. К., 2011. С. 23–40. Его же. Святе Письмо в Україні (поширення та інтерпретація): киево-могилянська традиція в європейському контексті // Релігійно-філософська думка в Києво-Могилянській академії: європейський контекст. К., 2002. С. 213–250. Его же. Біблійна археологія та палеографія в КДА і становлення Церковно-археологічного музею // Могилянські читання 2002 року. Присв. 130-ій річн. засн. Київ. Церк.-археол. музею. Збірник наукових праць. К., 2003. С. 115–123.

² См.: Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отд. II (1721–1795). Т. 5 (1761–1795). К., 1908. № LXXVII. С. 302–303, 331, 360.

³ Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отд. III. К., 1913. Т. 4. № LXXX. Рукописный сборник Киев. дух. академии. № 1. Л. 33 об. (11 об.).

Такое положение, вероятно, стало, с одной стороны, следствием унификации церковной книжности в лоне киевской православной традиции согласно общероссийским образцам. Книги, изданные в Киеве во второй половине XVII в. и в XVIII в., подвергались московской церковной цензуре; это касалось и вероисповедной, и богослужебной, и учительной литературы⁴. Вполне возможно, что соответствующие издания могли не сохраниться до конца XVIII в. из-за разрушительного действия стихий. Так, при пожаре 29 февраля 1780 г. почти все книги академической библиотеки, среди которых были и подаренные митрополитом Петром Могилой, сгорели, и далее происходило уже восстановление фондов, преимущественно путем пожертвований⁵.

На протяжении же следующего, XIX в., а также в начале XX в. можно отметить факт расширения текстуального присутствия в КДА не только церковнославянской, но и славяно-русской библейской книжности. Тут может быть показательным, к примеру, сравнение *Catalogus librorum* конца XVIII в. с «Систематическим каталогом» А. С. Крыловского начала XX в.⁶ Что же стало причиной такого расширения?

Прежде всего, в XIX в. появились новые возможности приобретения старых церковнославянских изданий и изданий на старом «руськом» книжном языке благодаря таким активным членам киевского духовно-академического сообщества, как архимандрит (впоследствии епископ) Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин). Их усилиями пополнялся прежде «мизерный запас памятников древней греческой и славянской письменности»⁷.

Вполне вероятно также, что в конце XVIII в. и особенно в начале XIX в. такие возможности возникали еще и в связи с разделами Речи Посполитой и присоединением к Российской империи бывших «униатских» территорий; там книги домогилянского и могилянского периодов сохранились лучше. Кроме того, в этих землях в XVIII в. осуществлялась собственная издательская деятельность, как, например, в Почаевской Лавре или в Львовском ставропигиальном братстве⁸.

⁴ Пример ревизии могилянского Катехизиса см. в : Голубев С. Киевский митрополит Пётр Могила и его сподвижники. К., 1898. Т. 2. Приложения. С. 482.

⁵ См.: Титов Ф., прот. Императорская Киевская духовная академия в ее трехвековой жизни и деятельности (1615–1915). К., 1915. С. 320.

⁶ См.: *Catalogus librorum Bibliothecae Academiae Kiioviensis* (ок. 1792 г.) // Акты и документы... Отд. II. Т. 5. № LXXVII. С. 300–470. Систематический каталог книг библиотеки Киевской духовной академии / Сост. А. С. Крыловский. В 5 томах, 13 вып. К., 1890–1915.

⁷ См.: Титов Ф., прот. Императорская Киевская духовная академия. С. 419–420. Акты и документы... Отд. III. К., 1914. Т. 5. С. 651–652. Пятидесятилетний юбилей Киевской духовной академии. К., 1869. С. 126.

⁸ См., напр.: Систематический каталог книг библиотеки Киевской духовной академии. Т. 1. Богословие. Вып. I: Св. Писание и патрология. К., 1890. С. 1, 20, 23. Т. 5. Вып. XIII: Дополнение к вып. I тома 1: Св. Писание и патрология. К., 1915. С. 12, 16.

К тому же и церковная реформа, связанная с ревизией монастырских книгохранилищ, способствовала пополнению академического фонда старыми церковнославянскими библейскими изданиями. Так, в каталоге Церковно-археологического музея видим старые издания из Нежинского греческого монастыря. По приказу церковного начальства академическая библиотека пополнилась книгами из Киево-Софийского собора, Киево-Печерской Лавры, из Выдубицкого и Михайловского монастырей⁹.

На протяжении XIX — начала XX в. в фонды КДА поступил ряд знаковых для отечественной культуры манускриптов и изданий церковнославянских и славяно-русских Библий либо их фрагментов. Так, в фондах Церковно-археологического музея при КДА находим древние библейские манускрипты: греческий палимпсест с позднейшим текстом — славянским фрагментом Слепчинского Апостола; славяно-русское пергаментное Евангелие XII в. из г. Орши; отрывки из Евангелий от Матфея и Марка XIV в. на 52-х пергаментных листах; отрывок из сербского Евангелия от Иоанна XIV в.; отрывок из Евангелия и Апостола того же века; отрывки из Псалтири XIV и XVI вв.; Каменец-Стромиловское славяно-русское Евангелие 1411 г. в копии XVI в.; славяно-русский Апостол XV в. из Кременецкого уезда Волынской губернии; славяно-молдавские пергаментные Евангелия XVI в. из Нежинского греческого монастыря; пергаментная Псалтирь 1437 г.; на престольное рукописное Евангелие XV в. из Березанской Рождества-Богородицкой церкви Нежинского уезда; рукописное Евангелие XVI в. из Сатанова Подольской губернии¹⁰. Тут же видим Пятикнижие издания Франциска Скорины 1519 г. — часть первого Пражского издания его знаменитой «Библии Руской», в свое время оказавшей значительное влияние на культуру переводов и изданий церковнославянских и славяно-русских Библий¹¹.

В фондах академической библиотеки появились полные Библии, Евангелия, Апостолы, Псалтири XVI и XVII вв., среди которых, прежде всего, следует отметить полную церковнославянскую первопечатную Острожскую Библию 1581 г. издания Ивана Фёдорова. Следует отметить также Евангелие Петра Мстиславца 1575 г., напечатанное в Виленской типографии Мамоничей; Псалтирь и Новый Завет с толкованиями на полях виленского издания 1611 г. Отдельно назовем библейские старопечатные книги «могилянской» поры: львовский Апостол

⁹ См.: Указатель Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии / Сост. Н. И. Петров. К., 1897. С. 205–206. Чтения в Церковно-историческом и археологическом обществе при Киевской духовной академии. Вып. 5. К., 1904. С. 24–26.

¹⁰ См.: Указатель Церковно-археологического музея... С. 206, 207, 208, 210–211, 240. Отчет о состоянии Киевской духовной академии за 1887/1888 уч. год. К., 1889. С. 50.

¹¹ См.: Указатель Церковно-археологического музея... С. 208.

1636 г. знаменитой в свое время типографии Михайла Слезки; Евангелие, изданное в 1644 г. Виленским Свято-Духовским братством; Евангелие львовского издания 1665 г. из типографии того же Слезки, напечатанное по благословению епископа Афанасия Желиборского, одного из последних иерархов — современников митрополита Петра Могилы. Из других изданий второй половины XVII в. — московская Псалтирь 1651 г.; Евангелие, Деяния и Послания святых апостолов киевской печати 1651 г.; Московская первопечатная Библия 1663 г., которая «переводу Библии Острожския типографии... последовася»; Евангелия 1670 и 1690 гг., изданные Львовским ставропигиальным братством; Служебная Псалтирь киево-печерской лаврской печати 1696 и 1697 гг. — издания уже начала «Петровской эпохи». Несколько особняком стоит славяно-молдавская Псалтирь — билингва, изданная в Яссах в 1680 г. Сучавским митрополитом Досифеем для нужд тамошних православных, чья церковная культура пребывала под сильным влиянием Киевской митрополии. Также заслуживает внимания стихотворное переложение Псалтири Симеона Полоцкого московского издания 1680 г.¹²

Эти источники явились исторической и текстуальной основой многочисленных киевских, московских и Санкт-петербургских изданий Петровско-Елизаветинской Библии XVIII и XIX вв. В то же время на распространение в КДА славянской библейской литературы в XIX в. влияли и иные факторы, отличные от действовавших в предыдущие столетия.

Стоит вспомнить, что в конце XVI — середине XVII в. заинтересованность в реконструкциях церковнославянского текста Библии или вобретении Священного Писания на народном языке питалась реформационными идеями. Тут действовали как полемические, так и просветительские мотивы. Так, нужда в полном тексте Библии, пригодном как для Литургии, так и для возможной полемики с еретиками, привела к появлению Геннадиевской Библии. Стремление же преодолеть культурный и богословский кризис в православной народности Речи Посполитой стимулировало появление изданий как на церковнославянском, так и на «простом» языке — от пражских и виленских Ф. Скорины до львовских и острожских И. Фёдорова, от местных переводов Скорининой Библии до Пересопницкого Евангелия или Креховского Апостола.

Со второй же половины XVII и XVIII в. в России доминировали мотивы поиска собственной культурно-конфессиональной и церковно-политической идентичности на фоне нивеляции местных культурных особенностей. Отсюда и борьба московской церковной ортодоксии

¹² См.: Систематический каталог книг библиотеки Киевской духовной академии. Т. 1. Вып. I. К., 1890. С. 5, 9, 21, 23, 28, 29. Т. 5. Вып. XIII: Дополнение к вып. I тома 1: Св. Писание и патрология. К., 1915. С. 1, 6, 12, 16, 22.

с «латинством» киевской православной традиции, неплохо иллюстрированная эволюцией от Острожской Библии — через Московскую Первопечатную — к Петровско-Елизаветинской.

Однако уже с 1810-х гг. возникает несколько иная культурная и духовная ситуация. Происходило возобновление общественного и научного интереса к славянскому церковному наследию (в частности, появление изданий церковнославянского текста Священного Писания и соответствующей комментаторской литературы). Это, в первую очередь, определялось тем, что православная традиция должна была заново осознать и позиционировать себя в мировом культурно-конфессиональном пространстве, сделать выбор относительно новых форм артикулирования собственных церковно-политических и богословских (в т. ч. и в области библеистики) потребностей, целей и задач.

Геополитический и общекультурный контекст этого самосознания был создан возвышением роли Российской империи после наполеоновских войн — еще раз, после эпохи петровских реформ. Перед обществом вновь встали вопросы о сопоставлении внутреннего развития с общеевропейскими процессами, вопросы о мере «европейскости» и самобытности культурной и духовной. В области библеистики это отразилось в виде ряда узловых событий.

В начале XIX в. Российским Библейским обществом впервые осуществлялся систематический перевод Библии на русский литературный язык. Поначалу это было инициировано внешним веянием — если принять во внимание глобальный характер деятельности Библейских обществ и оценку такой деятельности как «заграничного влияния», одного из многочисленных в российской истории примеров культурной «европеизации». Однако, этот плодотворный опыт поставил и важный «внутренний» вопрос о самой возможности появления языковой альтернативы в тогдашней православной церковной культуре.

Дальнейшие попытки перевода Библии и общественная дискуссия вокруг этого продолжались вплоть до середины XIX в. На первый план теперь выходили внутренние стимулы, связанные с потребностями православного миссионерства (труды архимандрита Макария (Глухарева)) и с необходимостью инкультурации Священного Писания в традиционно православную русскоязычную среду (перевод протоиерея Герасима Павского, дискуссия вокруг необходимости и возможности создания русского перевода Библии, роль в ней митрополитов Московского Филарета (Дроздова) и Киевского Филарета (Амфитеатрова) как носителей противоположных традиций).

Создание Синодального библейского перевода подтвердило, что церковнославянский текст остался важным текстологическим источником. Вновь были актуализированы вопросы, связанные с аутентичностью ки-

рило-мефодиевской традиции. Время после появления Синодального перевода выявило, что новый русский текст Библии не заменил церковнославянского; последний как основа Литургии имеет самостоятельную ценность и должен стать специальным объектом исследования¹³.

В связи с этим увеличилось число критических библейских изданий, а также текстологических исследований, служивших изучению именно церковнославянского текста, где имела место интеграция опыта западной библейской текстологии, основывавшейся на активном введении в научный оборот новых альтернативных источников и плодотворного с ними взаимодействия. Не случайно на протяжении XIX — начала XX в. среди таких изданий и исследований появлялись:

- Славяно-русские библейские билингвы (Евангелий, Деяний святых апостолов, полных текстов Нового Завета), изданные Российским Библейским обществом в течение 1810–1820-х годов.
- Критические издания древних славянских Евангелий, где сопоставлялись разные известные источники. Это, прежде всего, несколько изданий Остромирового Евангелия (1056–1057 гг.): его первое российское научное издание, осуществленное в 1843 г. известным славистом А. Х. Востоковым; славянское с добавлением греческого текста с грамматическими разъяснениями; пражское издание В. Ганки 1853 г.; издание по тексту Императорской публичной библиотеки, вышедшее в 1883 г. на средства купца Савинкова. В другом критическом издании В. Ганки 1846 г. с Остромировым Евангелием сопоставлялся еще один знаковый славянский библейский текст — Реймское Евангелие. Среди остальных изданий древних славянских библейских книг в КДА были виленское критическое издание Туровского Евангелия XI в. «с отметками по Остромировому Евангелию» под редакцией и с комментариями П. А. Гильдебрандта, а также Архангельское Евангелие 1092 г. издания Румянцевского

¹³ См., напр.: Филарет (Дроздов), митр. О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого Семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания. М., 1858. Корсунский И. Н. О подвигах Филарета, митрополита Московского, в деле перевода Библии на русский язык // Сборник по случаю столетнего юбилея со дня рождения (1782–1882) Филарета, митр. Московского. М., 1883. Т. 2. Его же. Филарет, митрополит Московский, в его отношении и деятельности по вопросу о переводе Библии на русский язык. М., 1886. Макарий (Глухарев), архим. О потребности для Российской Церкви переложений всей Библии с оригинальных языков на современный русский язык // Прибавления к творениям свв. отцов в русском переводе. М., 1861. Т. 20. Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский. Право мирян на учение и изучение Писания // Воскресное чтение. 1862–1863. №№ 7–12. Феофан (Говоров), еп. По поводу издания священных книг Ветхого Завета в русском переводе // Душеполезное чтение. 1875. №№ 9–12. Его же. О нашем долге держаться перевода 70-ти толковников. М., 1876. Горский-Платонов П. И. Несколько слов о статье Преосвященного Феофана «По поводу издания священных книг Ветхого Завета в русском переводе» // Православное обозрение. 1875. Т. 3. № 11. Его же. О недоумениях, вызываемых русским переводом священных книг Ветхого Завета // Православное обозрение. 1877. Т. 1. №№ 1–2, 4.

музея. Из зарубежных было представлено парижское 1843 г. издание Реймского Евангелия.

- Греко-славянские билингвы и греко-славяно-латино-русские квадрилингвы на основе новозаветного текста, изданные в 1860-х гг., очевидно, в связи с подготовкой Синодального перевода. Также здесь назовем славяно-русские библейские билингвы начала XX в. — с использованием уже Синодального текста.
- Симфонии, или конкорданции, на церковнославянскую Библию XVIII и XIX вв. Богданова, Илинского, неоднократно переизданная симфония на Псалтирь Антиоха Кантемира¹⁴.

Среди собственно текстологических и филологических произведений, посвященных церковнославянской Библии, сравнительному анализу разных рукописных традиций и отдельных изданий, отметим труды И. Рождественского, архимандрита Амфилохия, К. Невоструева, Вяч. Срезневского, Гр. Воскресенского, епископа Михаила (Лузина), П. Алексеева, Августа Лескина, А. Будиловича, И. Ягича, М. Ильминского, Л. Поливанова, И. Срезневского, В. Щепкина. Эти труды стали основой научного фонда церковнославянской библейской текстологии в КДА¹⁵.

Из авторов, причастных киевской духовно-академической традиции, отметим в рассматриваемой области, по крайней мере, трех. Во-первых, это О. М. Новицкий — выпускник КДА, историк философии, профессор Университета святого Владимира, известный своей работой по истории славянского перевода Библии¹⁶. Вторым назовем архимандрита Порфирия (Успенского), с 1865 г. — епископа Чигиринского. Будучи членом-корреспондентом конференции КДА¹⁷, Порфирий (Успенский), кроме своих известных занятий библейской археологией и палеографией, выступал как жертвователь в академические фонды, а также как переводчик и текстолог. Особенно важно тут вспомнить о его церковнославянских переводах найденных на Афоне древних греческих рукописей. В частности, рукописная Псалтирь 862 г. была использована им для перевода псалмов, а книга Есфирь переводилась по рукописи 1021 г.¹⁸ Соб-

¹⁴ См. библиографию этих изданий: Систематический каталог книг библиотеки Киевской духовной академии. Т. 1. Вып. I. С. 20–22, 29. Т. 5. Вып. XIII. С. 12–14.

¹⁵ См.: Систематический каталог книг библиотеки Киевской духовной академии. Т. 1. Вып. I. С. 64, 70, 72, 74, 75, 103, 124. Т. 2. Вып. VI: Языкознание. С. 105–110, 124. Т. 5. Вып. XIII. С. 73–74.

¹⁶ Новицкий Ор. О первоначальном переводе Священного Писания на славянский язык. К., 1837.

¹⁷ См.: Титов Ф., прот. Императорская Киевская духовная академия. С. 418.

¹⁸ Публикации переводов еп. Порфирия (Успенского) см., напр.: Бытие // ТКДА. 1869. № 2. Псалтирь // ТКДА. 1869. № 4. Притчи Соломоновы // ТКДА. 1869. № 5. Песнь песней // ТКДА. 1869. № 6. См. также: ТКДА. 1873. № 3, 9, 12. ТКДА. 1874. № 5. ТКДА. 1875. № 8–11.

ственные переводы епископ Порфирий, как отмечают исследователи, использовал для подготовки научно-критического издания церковно-славянской Библии¹⁹.

Наконец, несколько исследований по церковнославянской библейской текстологии были осуществлены с конца 1880-х до середины 1890-х гг. выпускником КДА (1885 г.), кандидатом богословия, преподавателем Волынской духовной семинарии Григорием Крыжановским. Наиболее заметной стала его работа, посвященная текстологическому и филологическому анализу рукописных Евангелий, выявленных в киевских книгохранилищах. Она была подана в Совет КДА на соискание магистерской степени²⁰.

В отзыве назначенного Советом эксперта, экстраординарного профессора КДА Василия Малинина, зафиксированном в п. XII протокола от 1 декабря 1887 г., отмечалась основательность исследования Г. Крыжановского, использование им текстологических достижений как западных, так и российских славистов. Сравнительный анализ позволил автору определить в массиве текстов несколько рукописных традиций: 1) древнерусскую; 2) южнославянскую; 3) русско-болгарскую. Подчеркивалась важность этого исследования как пионерского в обработке еще практически неисследованного материала, что создавало, в свою очередь, основу для дальнейшего изучения ранее неосвоенных рукописей²¹. После публикации этого исследования в 1889 г.²² и проведения магистерского коллоквиума (Совет КДА назначил официальными оппонентами профессоров Н. Петрова и В. Малинина) Г. Крыжановскому была присуждена степень магистра богословия²³.

Следует отметить, что и написание, и защита этой работы происходили в условиях, когда в КДА уже существовало понимание потребности в основательных исследованиях памятников древней библейской книжности, в т. ч. и отечественных, которые постепенно накапливались в академии, в частности, в ее Церковно-археологическом музее. Осуществлялись и соответствующие шаги для стимулирования таких трудов. Так, в 1887 г. Совет КДА возобновил конкурс научных работ на соискание Макариевской премии, что было зафиксировано в п. X протокола заседания Совета от 5 сентября 1887 г. Среди предложенных тем была и тема «Описание библейских рукописей на славянском и греческом

¹⁹ См.: Ястребов М. Епископ Порфирий (Успенский) // Журнал Московской Патриархии (далее — ЖМП). 1957. № 8. Агафангел (Саввин), архим. Епископ Порфирий (Успенский) // ЖМП. 1975. №№ 5–6. Иннокентий (Просвирнин), архим. Памяти еп. Порфирия // Богословские труды. Сб. 26. М., 1985.

²⁰ См.: Отчет о состоянии КДА за 1886/1887 учебный год. К., 1887. С. 14.

²¹ См.: Извлечения из протоколов Совета КДА за 1887/1888 учебный год. К., 1888. С. 80–87.

²² Крыжановский Гр. Рукописные Евангелия киевских книгохранилищ. Исследование языка и сравнительная характеристика. К., 1889.

²³ См.: Отчет о состоянии КДА за 1888/1889 учебный год. К., 1890. С. 12, 35.

языках, поступивших в Археологический музей при Киевской академии»²⁴.

Потому, вероятно, не случайно среди других трудов Г. Крыжановского появилось исследование одного из раритетов Церковно-археологического музея — Камянец-Стромиловского Четвероевангелия — в сопоставлении его языка с народным языком Волины XIV–XV вв.²⁵ Работа в Волинской семинарии определила, в свою очередь, еще один объект исследовательского интереса — библейские рукописи в Волинском епархиальном книгохранилище²⁶. Отметим, что работы Крыжановского были представлены в библиотечных фондах КДА²⁷.

Итак, интерес к исследованию славянской Библии в XIX — начале XX вв. определялся преимущественно внутренней культурно-религиозной потребностью — потребностью в сохранении одного из наиболее важных источников литургической традиции Православной Церкви. Ведь церковнославянская Библия действительно важна и актуальна не только и не столько с точки зрения текстологической, сколько в контексте ее литургического использования. Поэтому вопрос о славянском библейском тексте всегда выходил за пределы вопроса об «одном из переводов». Ведь любой новый библейский перевод на народный язык у православных славян должен был согласовываться с церковнославянской литургической традицией. Именно православная Литургия фактически является носителем первоначального библейского текста, а также базовым интерпретационным полем «книжной» формы Библии Нового времени, которая в присущих ей способах прочтения и толкования оказывается исторически и по сути позднейшей и вторичной относительно Литургии.

Исследовательские усилия в освоении славянской Библии на протяжении отмеченного периода стоит рассматривать в более широком контексте развития европейской и мировой библеистики: главным образом, таких ее дисциплин, как текстуальная, историко-литературная и филологическая критика. Развитые в рамках этих научных дисциплин методологические принципы и указания относительно реконструкции оригинального текста: выявление его вариантов, версий, разночтений, их эволюции посредством сопоставления и анализа древних манускриптов, позднейших рукописных и печатных изданий; исследование их атрибуции; выяснение их литературных и лингвистических особенностей

²⁴ См.: Извлечения из протоколов Совета КДА за 1887/1888 учебный год. К., 1888. С. 26–29.

²⁵ Крыжановский Г. Камянец-Стромиловское Тетраевангелие 1411 года и волинское наречие в XIV–XV вв. // Волинские епархиальные ведомости. 1886. №№ 1–18.

²⁶ Крыжановский Г. Рукописные Евангелия Волинского епархиального древлехранилища. Почаев, 1895.

²⁷ См.: Систематический каталог книг библиотеки Киевской духовной академии. Т. 2. Вып. VI. С. 107.

и вероятных связей с культурно-языковым контекстом, — начали реализовываться в исследованиях церковнославянской и славяно-русской библейской книжности.

Не осталась в стороне от этих процессов и Киевская духовная академия. Тут в течение XIX — начале XX вв. накапливалась соответствующая база источников. Она становилась основой для первых научных исследований. Эти исследования были важны в связи с особым местом культуры Киевской Руси и русских земель Речи Посполитой в сохранении и трансляции богословского и литургического опыта Православной Церкви в славянском мире.